

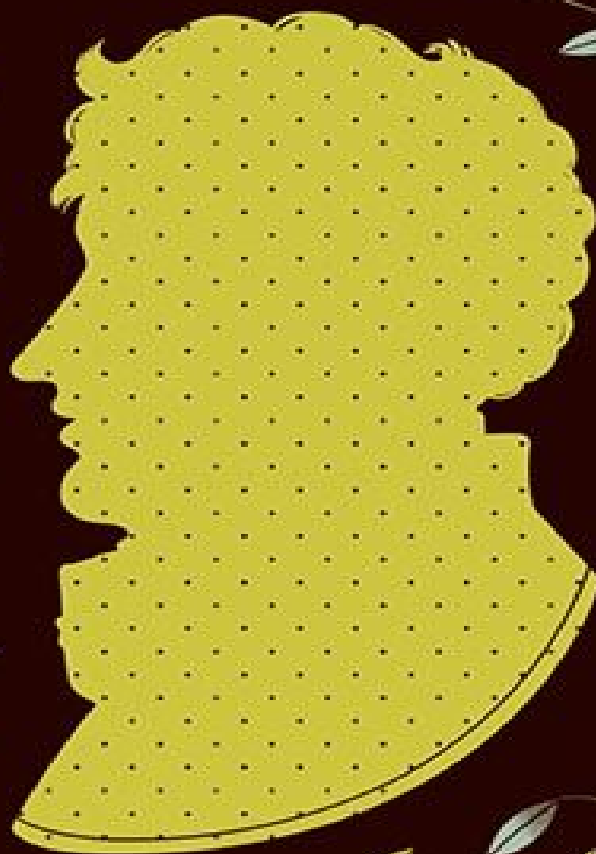
Нортенгерское аббатство

Подлинная классика, не теряющая своей актуальности!

Юная Кэтрин обожает читать «готические романы» и даже в обычных ситуациях видит следы тайны, и однажды...

Для более значительной и более легкомысленной части мужского пола привлекательность женщины усиливается ее наивностью. Среди мужчин, однако, все же встречаются настолько разумные и образованные, что ищут в женщине чего-то большего, чем невежество.

Джейн Остин



Нортенгерское
аббатство

КЛУБ
СЕМЕИНОГО
ДОСУГА

Джейн Остин

Нортенгерское
аббатство

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2016  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА



Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2016

ISBN 978-617-12-0753-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию: Jane Austen. *Northanger Abbey*. Edited by Barbara M. Benedict, Deirdre
Le Faye. Trinity College, Connecticut

Перевод с английского *Натальи Филимоновой*

Дизайнер обложки *Инна Рудая*

Электронная версия создана по изданию:

З найтоншою жіночою самоіронією й англійським гумором найвищої проби Джейн Остін розповідає історію юної Кетрін, старшої з дочок поважного сільського священика, яку бездітна сімейна пара місцевих дворян запрошує на води. І поки зріла половина світського суспільства зайнята плітками і «клопітним неробством», а молоде покоління на балах і в театрах підшукує підхожі варіанти для майбутнього щасливого і вигідного шлюбу, Кетрін захоплено читає готичні романи. З істинною розсудливістю уникнувши залицянь хвалька містера Торпа, дівчина приймає запрошення погостювати у старовинній садибі нових друзів — Нортенгерському абатстві, — не підозрюючи, що тепер її добре ім'я і щасливе майбутнє під загрозою...

Остин Дж.

076 Нортенгерское аббатство : роман / Джейн Остин ; пер. с англ. Н. Филимоновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 304 с.
ISBN 978-617-12-0497-3 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3497-5 (Россия)

С тончайшей женской самоиронией и английским юмором высшей пробы Джейн Остин рассказывает историю юной Кэтрин, старшей из дочерей уважаемого сельского священника, которую бездетная семейная пара местных дворян приглашает на воды. И пока зрелая половина светского общества занята сплетнями и «хлопотливым бездельем», а молодое поколение на балах и в театрах подыскивает подходящие варианты для будущего счастливого и выгодного брака, Кэтрин увлеченно читает готические романы. С истинным здравомыслием избежав ухаживаний бахвала мистера Торпа, девушка принимает

приглашение погостить в старинной усадьбе новых друзей — Нортенгерском аббатстве, — не подозревая, что теперь ее доброе имя и счастливое будущее под угрозой...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

Замечания автора к «Нортенгерскому аббатству»

Эта небольшая работа была закончена в 1803 году. Я предполагала, что она будет сразу опубликована. Издатель ее принял и даже объявил о предстоящем выходе из печати. Однако отчего дело дальше не пошло, автор так и не понял. Отчего издатель считает выгодным приобрести рукопись и невыгодным — ее напечатать, более чем непонятно. Редко можно встретить такое. Однако же и автору, и читающей публике сейчас не стоило бы даже задуматься об этом, если бы некие фрагменты книги за прошедшие годы не устарели. Я прошу читателей запомнить, что после завершения этой работы прошло тринадцать лет, и много больше — с тех пор, как она была задумана. Помните, что за истекшие годы изменились и географические понятия, и человеческие характеры, и взгляды, и даже сама литература.

Глава 1

Вероятно, никто, знавший маленькой Кэтрин Морланд, не мог подумать, что взрослой она превратится в героиню романа. На это не указывало ничто: ни положение в обществе и характеры ее родителей, ни ее собственные наклонности и привычки. Отец ее был священником, не тем бедным и забитым, что рисуют нам иные повести, но, напротив, преуспевающим и уважаемым. Хотя стоит заметить, что он носил заурядное имя Ричард и был совершенно непривлекательным. Кроме двух неплохих церковных приходов, он имел независимое состояние — оттого ему не нужно было держать своих дочерей в черном теле. Матушка Кэтрин была добра, спокойна и рассудительна и, как это ни странно для романа, отличалась превосходным здоровьем. Еще до появления Кэтрин на свет она успела родить трех сыновей, а произведя на свет дочку, не умерла, продолжала жить и благоденствовать, прижила еще шестерых детей и растила весь выводок в полном благополучии. Семейство, в котором растет десятеро детей, в обществе считается прекрасным семейством — с вполне достаточным числом рук, ног и голов. Увы, Морланды не могли с полным на то основанием себя подобным образом именовать: к сожалению, они не отличались внешней привлекательностью. Многие годы растущая Кэтрин оставалась такой же дурнушкой, как и все ее родичи. Тощая несуразная фигура, нездоровый цвет лица, темные прямые волосы — вот как она выглядела. Так же мало подходил для героини романа и ее характер. Скорее напротив: ей всегда нравились мальчишеские игры — крикет она предпочитала куклам, с презрением смотрела на столь возвышенные развлечения детства, как кормление канарейки или поливка цветочной клумбы. Работа в саду была ей не по вкусу, а если иногда она собирала букет, то делала это как будто назло — по крайней мере, так можно было подумать, заметив, что она обрывала именно те цветы, которые ей трогать запрещалось.

Таковы были ее детские привычки. Столь же мало сулили в будущем и ее способности. Она не могла что-то выучить или понять прежде,

чем ей это объяснят. Хотя иной раз и после объяснений — ведь частенько она бывала невнимательной, а порою откровенно туповатой.

Целых три месяца потребовалось ее терпеливой и доброй матушке, чтобы вдолбить дочери в голову «Жалобу нищего». Но все равно, даже после этого Салли, младшая сестра, декламировала это стихотворение гораздо выразительнее. Нет, Кэтрин вовсе не была настолько тупой — вовсе нет. Басню про «Зайца и его дружков» она вызубрила так же легко, как и любая английская девчонка. Матушка хотела научить ее музыке. И Кэтрин соглашалась с ней, думая, что заниматься музыкой удивительно приятно, — она ведь так любила барабанить по клавишам разбитых клавикордов. Занятия начались, когда девочке исполнилось восемь. Она проучилась год и более терпеть этого не смогла. Миссис Морланд, считая неразумным принуждать детей к тому, к чему у них нет способностей или не лежит душа, оставила девочку в покое. Так день, когда Кэтрин рассталась с учителем музыки, стал самым счастливым в ее жизни.

Ее способности к рисованию раскрылись так же мало. Хотя, если ей удавалось раздобыть у матери разорванный конверт письма или какой-то другой клочок бумаги, она использовала их самым достойным образом, изображая домики, кустики, петушков или курочек — весьма, увы, мало отличающиеся друг от друга. Писать и считать научил ее отец, а говорить по-французски — мать. Успехи ее были весьма скромными, она под любым предлогом отлынивала от занятий.

Однако, несмотря на все вышеописанное, девочка обладала странным, даже необъяснимым характером! К десяти годам, при всех признаках ленивого и даже испорченного характера, она оставалась доброй и отзывчивой редко упрямылась, почти никогда ни с кем не ссорилась и была нежна с меньшими своими братьями и сестрами, если не считать редких вспышек вполне объяснимого гнева. Кэтрин росла шумной и озорной девочкой, терпеть не могла убираться, наводить чистоту и порядок, но больше всего на свете любила скатываться по зеленому склону холма позади дома.

Такой была малышка Морланд в десять лет. К пятнадцати годам впечатление, которое она производила на окружающих, стало понемногу меняться. Она начала завивать волосы и подумывала о балах. В ее внешности тоже произошли отрадные перемены: лицо

округлилось и посвежело, глаза стали более выразительными, а фигура — выровнялась и обрела формы. Она научилась следить за собой, превратившись в миловидную и опрятную девушку. И ей стало приятно слушать, как родители, между собой беседуя о ней, хвалили ее изменившуюся внешность и характер, ставший много лучше. «Кэтрин нынче выглядит весьма недурно — она становится почти хорошенькой!» — время от времени говорили старшие. Ох, какое же это было удовольствие! Казаться почти хорошенькой для девушки, которую первые пятнадцать лет жизни все называли исключительно дурнушкой, — радость куда более ощутимая, чем все те радости, которые достаются красавице с колыбели.

Миссис Морланд была добрейшей женщиной и хотела, чтобы ее дети получили в жизни все, что им причитается. Однако она была слишком занята тем, что рожала и воспитывала малышей. Поэтому старшие дочери поневоле оказывались предоставленными самим себе. Вот оттого Кэтрин, от природы лишенная всего истинно присущего девушкам ее круга, в четырнадцать лет предпочитала чтению бейсбол, крикет, верховую езду и прогулки.

Мы говорим здесь о серьезном чтении, конечно. Ведь она ничего не имела против книг, в которых содержались одни только забавные происшествия, но не было никаких достойных сведений или ученых знаний. Тем не менее между пятнадцатью и семнадцатью годами она стала готовить себя в героини. Она прочла все, что должны были бы прочитать героини романов — ведь им необходимо запастись цитатами, ободряющими и порой весьма полезными в их жизни, полной превратностей и передряг.

От Поупа она научилась осуждать тех, кто «в притворном горе ускользнуть не прочь...», от Грея узнала, «Как часто лилия цветет уединенно, в пустынном воздухе теряя запах свой...» Томсон открыл ей, «как славно молодежь воспитывать уроками стрельбы!». Мудрец Шекспир снабдил ее огромным запасом сведений, и среди них, что «...ревнивца убеждает всякий вздор, как доводы Священного Писанья», что «...ничтожный жук, раздавленный ногой, Такое же страданье ощущает, как с жизнью расстающийся гигант...» Особенно ей были приятны слова о том, что к выражению лица влюбленной молодой

женщины вполне подходят слова: «...как статуя Терпения застыв, она своим страданиям улыбалась...»

О, здесь, следует признать, ее успехи были вполне хороши, так же как и во многих других сферах высокого. Ибо, хоть она и не умела писать сонеты, она заставила себя их читать. Пусть у нее не было никакой надежды вызвать восторги публики, исполняя на фортепьяно прелюдию собственного сочинения, но она была способна, не испытывая усталости, слушать игру других музыкантов.

Самым ее слабым местом было рисование: здесь она не смыслила ровным счетом ничего. Здесь она бы не смогла соперничать ни с одной героиней романа. И наверняка не смогла бы изобразить профиль собственного возлюбленного так, чтобы того можно было узнать. Однако до сих пор этот недостаток был скрыт от нее самой: у нее не было возлюбленного и ей некого было рисовать. К семнадцати годам она еще ни разу не встретила на своем пути достойного молодого человека: того, кто был бы способен воспламенить ее чувства. Она еще ни разу не возбудила в ком-нибудь не только любовной горячки, но даже простого восхищения, большего, чем поверхностное и мимолетное «мила...». Признаем, что это было весьма и весьма странно! Но многие странные вещи удается объяснить, если задуматься о причинах, их вызывающих. После таких размышлений же становилось ясно, в чем здесь дело. Ибо в окрестностях не было ни одного лорда, даже баронета. Более того, среди знакомых Морландов не было ни единой семьи, которая вырастила бы найденного на пороге мальчика неизвестного происхождения. У ее отца не было воспитанника, а местный сквайр вообще не имел детей.

Однако если молодой леди суждено стать героиней, она ею станет, даже несмотря на то, что сорок живущих по соседству семейств не предоставили ей для этого ни единой возможности. Обязательно что-то произойдет, и герой сам окажется на ее пути.

Мистеру Аллену, владельцу почти всех земель вокруг Фуллертона — деревушки, в которой жили Морланды, — было рекомендовано отправиться в Бат для излечения подагры. И его супруга, добродушная женщина, которой мисс Морланд очень полюбилась и которая, возможно, догадывалась, что если с молодой леди не происходит никаких приключений в родной местности, то ей следует поискать их

на стороне, пригласила Кэтрин поехать в Бат вместе с ними. Мистер и миссис Морланд отнеслись к этому предложению вполне благосклонно, а сама Кэтрин встретила его с искренним восторгом.

Глава 2

К уже упомянутым достоинствам характера и внешности Кэтрин Морланд на том этапе ее жизни, на котором ей предстояло испытать тяготы и превратности полуторамесячного пребывания в Бате, следует еще кое-что рассказать читателю. Рассказать для того, чтобы он, если более поздние страницы нашего рассказа не дадут достаточного представления, все же мог дорисовать ее облик. У нее было мягкое сердце, открытый, веселый и лишенный всякого притворства характер, прекрасные и естественные манеры, только что освободившиеся от детской застенчивости и неуклюжести. В благоприятные минуты черты ее лица были приятными и даже почти красивыми, и, как свойственно многим юным дамам в семнадцать лет, весьма невежественный и непросвещенный ум.

С каждой минутой, что приближала отъезд дочери, озабоченность миссис Морланд, вполне естественно, должна была крайне усилиться. Тысячи опасностей, подстерегавших ее любимую Кэтрин во время жестокой разлуки, не могли не тревожить дурными предчувствиями ее сердце. Поэтому в последние два или три дня под отеческим кровом матушка орошала платки потоками горячих слез. Само собой разумеется, во время прощальной беседы в материнской спальне с ее мудрых уст должен был сойти самый важный практический совет, а из сердца не могло не вырваться самого важного предостережения. Тот совет и то предостережение, конечно, описывали бы в черных красках бесчувственных лордов и баронетов, которые тешат себе душу, соблазняя молодых леди и увозя их в свои отдаленные поместья. Увы, этих слов не прозвучало. Да и кто бы подумал об этом? Ведь миссис Морланд так слабо представляла себе лордов и баронетов, что не имела никакого понятия об их поголовной испорченности и не подозревала об ущербе, который они могут нанести дочери своими гнусными происками. Оттого слова матушки были куда более приземленными:

— Пожалуйста, Кэтрин, получше закутывай шею, выходя с бала. И еще — мне бы хотелось, чтобы ты записывала свои расходы, я тебе

дам для этого особую тетрадку.

Салли, или, точнее, Сара (ну какая же молодая леди из круга небогатых дворян, достигнув шестнадцатилетия, сохраняет имя, данное ей при рождении?), должна была бы, как это предписывают иные романы, стать самой близкой подругой Кэтрин, пользующейся ее неограниченным доверием. Но как ни странно, она вовсе не умоляла сестру посылать письма с каждой почтой и не взяла с нее обещания рассказывать во всех подробностях о каждом новом знакомом и о каждом повороте каждого интересного разговора. Одним словом, во всем, что касалось этой важной поездки, Морланды продемонстрировали спокойствие и умеренность, вполне свойственные обычному поведению обычных людей, но едва ли совместимые с теми изысканными чувствами и возвышенными переживаниями, которые всегда характеризуют первую разлуку героини романа с родным домом.

Отец, вместо того чтобы вручить дочери чековую книжку на неограниченную сумму или хотя бы выписать чек на сотню фунтов стерлингов, дал ей всего десять гиней¹, обещав прислать еще в случае надобности.

¹ Гиней — сумма в 21 шиллинг, английский фунт — сумма в 20 шиллингов. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Разлука прошла совершенно незаметно, никаких особых знаков судьбы замечено не было, и поездка началась. Она проходила в приятном спокойствии и без всяких опасных приключений. Путешественникам не угрожали разбойники или буря, к тому же их карета так и не перевернулась, давая повод появлению героя. В пути им не пришлось испытать никаких тревог, кроме беспокойства миссис Аллен, что она оставила в придорожной гостинице пару деревянных башмаков. К счастью, позже оказалось, что это беспокойство было совершенно беспочвенным.

Они въехали в Бат. Кэтрин пребывала в полном восторге, обращая пристальное внимание то на одну, то на другую особенность сначала окрестностей, а позже улиц этого городка, по которым они проследовали до гостиницы. Она ехала сюда, чтобы радоваться, и была теперь счастлива.

Их устроили в удобных комнатах на Палтни-стрит.

Сейчас самое время дать характеристику миссис Аллен — для того, чтобы читатель мог оценить, насколько поступки этой особы, проистекающие из ее бесцеремонности, вульгарности или подозрительности, способствовали развитию главной жизненной драмы героини (как пишут в романах). Мы же простыми словами объясним, что, перехватив ли письма своей подопечной, возведя ли на нее напраслину или выгнав из дому, — миссис Аллен сумела к последним строкам романа довести бедную Кэтрин до свойственной романтической героине степени неблагополучия.

Миссис Аллен принадлежала к тем многочисленным особам женского пола, общество которых не вызывает у окружающих никаких иных чувств, кроме удивления, что в мире находятся мужчины, способные столь сильно ими увлечься, чтобы жениться. Она не отличалась ни красотой, ни талантами, ни образованием, ни изысканным воспитанием. Замашки барыни, вялое добронравие и бездеятельная беззаботность — вот качества, которыми она прельстила весьма разумного и образованного человека, каким был мистер Аллен. Единственное, в чем она наиболее подходила для того, чтобы ввести в общество юную леди, — ее любопытство: не меньше, чем юная девица, она стремилась всюду побывать и на все посмотреть. Больше всего ее интересовали новые моды. Миссис Аллен владела вполне безобидная страсть: она обожала изысканно одеваться. Этим и объясняется, что вступление нашей героини на светское поприще задержалось на три-четыре дня. В эти дни было выяснено, прежде всего, что сейчас носят, и вслед за этим — для миссис Аллен сшили самое модное платье. Кэтрин тоже сделала некоторые приобретения. Когда же со всеми делами было покончено, наступил наконец знаменательный вечер ее первого появления в обществе.

Волосы ее были подстрижены и уложены лучшим парикмахером, ее одели со всем вниманием, и, по мнению миссис Аллен и горничной, она выглядела как нельзя лучше. Ободренная этим отзывом, Кэтрин надеялась раствориться в толпе, не дав своей наружностью повода для чьих-либо замечаний. Конечно, было бы приятно вызвать восхищение, но об этом она разумно и не мечтала.

Миссис Аллен одевалась так долго, что они вошли в бальный зал довольно поздно. Сезон был в разгаре, народу было множество, и две

леди протискивались вперед без чьей-либо помощи, ведь мистер Аллен сразу направился напрямиком в карточную комнату, предоставив дамам наслаждаться толчеей самостоятельно.

Миссис Аллен миновала сборище мужчин около входа со всей возможно большой скоростью, уделяя больше внимания своему новому платью, чем своей молодой спутнице. Кэтрин, однако, все время держалась около нее, взяв покровительницу под руку настолько крепко, что их не смогла разъединить никакая давка. К своему крайнему изумлению, она обнаружила, что продвижение в глубину зала вовсе не помогает им выбраться на свободное пространство. Скорее наоборот: толпа становилась еще плотнее. Кэтрин надеялась, что, отойдя от дверей достаточно далеко, они с легкостью отыщут себе место и смогут с удобством наблюдать за танцующими. Но получилось совсем по-другому: благодаря неутомимой энергии миссис Аллен, они добрались до самой отдаленной от входа точки, но положение их не улучшилось.

Танцующие по-прежнему были заслонены от них толпой, и им были видны только кончики перьев в прическах некоторых дам. Они продолжали продвигаться в поисках места получше. И, то и дело прибегая к силе и ловкости, две дамы в конце концов оказались в проходе позади самой верхней скамьи. Здесь народу было меньше, чем внизу, и отсюда мисс Морланд смогла наконец обозреть все расположенное под ними сборище и все преграды, которые им только что удалось преодолеть.

Вид был великолепный, и впервые в этот вечер она почувствовала себя на балу. Ей очень хотелось танцевать, но она ни с кем не была знакома. К тому же все, что при этих обстоятельствах могла для нее сделать миссис Аллен, ограничивалось повторением время от времени бесстрастных высказываний следующего толка:

— Так было бы приятно, моя дорогая, если бы вам удалось принять участие в танцах! Ах, если бы для вас нашелся партнер!

В течение некоторого времени ее юная спутница испытывала к ней благодарность за сочувствие. Но подобные фразы миссис Аллен повторяла так часто и проку от них было так немного, что вскоре они лишь раздражали бедную Кэтрин, которой надоело отзываться на каждую из них. Наши дамы, однако, недолго наслаждались дорого

доставшимся им удобным местом на возвышении. Вскоре все устремились в чайную комнату, и им пришлось протискиваться туда вместе с остальной публикой.

Кэтрин ощущала уже определенное разочарование — она устала от того, что ее толкали со всех сторон малопривлекательные люди, среди которых она чувствовала себя настолько чужой, что даже не могла отвлечься от неудобства давки, обмениваясь с окружающими односложными замечаниями.

Когда в конце концов они добрались до чайной комнаты, обе особенно остро почувствовали, что не могут присоединиться к каким-нибудь знакомым, с кем-то поздороваться или просто дождаться помощи от какого-нибудь джентльмена. Мистера Аллена не было видно. И, не найдя ничего лучшего, они были вынуждены присесть за краешек стола, вокруг которого собралась уже какая-то большая компания, не зная, что предпринять, и разговаривая только между собой.

Как только они уселись, миссис Аллен поздравила себя с тем, что ей удалось уберечь свое новое платье.

— Было бы просто ужасно, — сказала она, — если бы его порвали, не правда ли? Такой тонкий муслин! Признаюсь, я не видела подобного туалета ни на одной даме вокруг!

— Как досадно, что здесь нет ни одного знакомого человека! — прошептала Кэтрин.

— Разумеется, дорогая моя, — бесстрастно согласилась миссис Аллен, — это в самом деле весьма и весьма досадно.

— Но что же нам делать? Господа за этим столом странно поглядывают на нас — должно быть, они удивляются, видя нас здесь. Мы словно бы навязываемся в их общество.

— Это в самом деле ужасно. Было бы лучше, если бы у нас нашлось здесь много знакомых.

— Да хоть бы немного! Мы хоть к кому-то могли бы тогда подойти.

— Вот именно, дорогая! Если бы мы здесь кого-то знали, мы подошли бы к нему тотчас же. В прошлом году здесь были Скиннеры. О, как было бы приятно сейчас их увидеть!

— Не лучше ли в таком случае нам уйти? Видите, нам даже не предлагают чаю.

— В самом деле, не предлагают. Возмутительно! Но лучше посидим здесь. В толпе просто невозможно дышать. Как выглядит моя прическа, дорогая? Кто-то толкнул меня так сильно, что я испугалась, что она вот-вот рассыплется.

— О нет, она в полном порядке. Но, милая миссис Аллен, вы убеждены, что среди всех, кто собрался здесь, вы не знаете ни единого человека? Должны же вы быть хоть с кем-то знакомы!

— Честное слово — ни с кем! Я и сама была бы рада. Так было бы приятно, если бы у нас появилось много знакомых и я смогла бы найти вам партнера для танцев. Я бы очень хотела, чтобы вам удалось потанцевать. Но взгляните на эту странную даму. Что за платье! Таких не носят уже бог знает сколько. Только посмотрите на ее спину!

Через некоторое время кто-то из соседей по столу предложил им чаю. Они приняли это предложение с благодарностью. Если не считать возникшего при этом обмена любезностями, то за весь вечер до появления мистера Аллена — уже после окончания танцев, — с ними никто больше не заговорил.

— Надеюсь, мисс Морланд, — спросил мистер Аллен, — бал доставил вам удовольствие?

— О да, очень большое, — ответила Кэтрин, с трудом скрывая зевок.

— Я все время ждала, что кто-нибудь ее пригласит танцевать, — сказала его жена. — Так хотелось найти для девочки партнера! Я уже говорила ей, как жалко, что Скиннеры, вместо того чтобы приехать нынче, побывали здесь в прошлом году. И Пэрри тоже не приехали — а они ведь сюда собирались. Кэтрин могла бы танцевать с Джорджем Пэрри. Какая жалость, что у нее не нашлось партнера!

— Ну, не беда, — утешил их мистер Аллен. — В другой раз, надеюсь, нам повезет больше.

После танцев толпа начала понемногу редеть — настолько, что у оставшихся гостей появилась возможность прогуливаться с определенным удобством.

И в этот миг для героини, сыгравшей до сих пор не слишком заметную роль, наступило время, когда она могла бы привлечь внимание и вызвать неземное восхищение.

С каждой минутой народу становилось все меньше и красота Кэтрин становилась все заметнее. Она могла бы броситься в глаза многим

молодым людям, которые раньше к ней не приближались. Однако ни один из них не проявил восторга, никто не назвал Кэтрин богиней и по залу не пронесся недоуменный ропот по поводу появления никому не ведомой красавицы. Тем не менее Кэтрин выглядела премо, и, если бы присутствующие могли сравнить ее внешность с тем, как она выглядела три года назад, они нашли бы ее просто очаровательной.

И все же кто-то посмотрел на нее благосклонно — она сама слышала, как два джентльмена назвали ее хорошенькой. Слова эти произвели свое действие. Сразу она стала находить бал гораздо более приятным, чем он казался прежде. Мимолетный комплимент в устах двух молодых людей был ей милее, чем подлинной героине — пятнадцать сонетов, написанных во славу ее очарования. Ее непритязательное тщеславие было удовлетворено. И на протяжении остального вечера она испытывала благодарность ко всем присутствующим и была вполне удовлетворена вниманием, проявленным к ее особе.

Глава 3

Каждое утро посвящалось теперь какому-нибудь очередному занятию: беготне по магазинам, осмотру новой части города или посещению галереи-бювета, по которой они фланировали около часа, разглядывая встречных, но по-прежнему без всякой возможности вступить в кем-нибудь в беседу. Миссис Аллен все так же горела желанием обзавестись в Бате обширными знакомствами и говорила об этом ежедневно, всякий раз, как какое-нибудь обстоятельство напоминало ей, что она не знает здесь решительно никого.

Они побывали в Нижних залах, и там судьба обошлась с нашей героиней более благосклонно, чем на балу в Верхних залах. Распорядитель представил ей в качестве партнера по танцам молодого человека, которого можно было назвать красавцем почти с полным правом. Он был двадцати четырех или двадцати пяти лет от роду, высокого роста с благородной осанкой, приятными чертами лица и острым, живым взглядом. Партнер по танцам носил фамилию Тилни.

Кэтрин сразу почувствовала к нему симпатию. Во время танца они почти не могли разговаривать. Но за чайным столом она убедилась, что первое благоприятное впечатление ее не обмануло. Молодой человек говорил оживленно и остроумно, и в его поведении ощущались добродушная ирония и лукавство, которые доставляли ей удовольствие, хотя она и не вполне могла их раскусить. Поболтав некоторое время о том, что их непосредственно окружало, он неожиданно сказал:

— Простите, сударыня, мою нерадивость — в качестве партнера по танцам. Я до сих пор не осведомился у вас, давно ли вы сюда приехали, приходилось ли вам бывать в Бате прежде, посетили ли вы Верхние залы, театр и концерты и какое этот город произвел на вас общее впечатление. Я недопустимо пренебрег своими обязанностями. Сможете ли вы ответить мне на эти вопросы, пусть и с опозданием? Если не возражаете, я примусь за дело тотчас же.

— Вам незачем, сэръ, по этому поводу беспокоиться.

— Помилуйте, сударыня, мне это не причинит ни малейшего беспокойства. — И, изобразив на лице жеманную улыбку, он спросил более высоким голосом: — Давно ли, сударыня, вы прибыли в Бат?

— Около недели тому назад, сэр, — ответила Кэтрин, стараясь удержаться от смеха.

— В самом деле?! — воскликнул он с нарочитым удивлением.

— Почему, сэр, вы этому удивляетесь?

— Вы, разумеется, правы, — произнес он обычным тоном. — Но ведь нужно же было выразить по поводу вашего приезда какие-то чувства. А при подобных обстоятельствах удивление кажется мне совершенно уместным и ничуть не уступает любому другому чувству. Итак, продолжим. Приходилось ли вам бывать здесь раньше?

— Никогда, сэр.

— Вот как! А удостоили ли вы своим посещением Верхние залы?

— Да, сэр, я была там в прошлый понедельник.

— И уже побывали в театре?

— Да, сэр, я смотрела спектакль во вторник.

— И на концерте?

— Да, сэр, в среду.

— А какое у вас общее впечатление от Бата?

— Благодарю вас, самое лучшее.

— Теперь мне остается только глупо ухмыльнуться, после чего мы сможем снова вести себя разумно.

Кэтрин отвернулась, не зная, может ли она позволить себе рассмеяться.

— Догадываюсь, что вы обо мне думаете, — сказал он печально. — Завтра вы отзоветесь обо мне в вашем дневнике не слишком лестно.

— В моем дневнике?

— Да, я знаю отлично, что там будет написано: «Пятница. Посещение Нижних залов. Надела узорчатое муслиновое платье с синей отделкой, простые черные туфли, выглядела эффектно. Была фраппирована странным полоумным субъектом, который со мной танцевал и досаждал мне своими глупостями».

— Уверю вас, у меня в мыслях не было ничего подобного!

— Хотите, я скажу, что у вас должно быть в мыслях?

— Если вам угодно.

— «Ганцевала с очень милым молодым человеком, представленным мне мистером Кингом. Была увлекательная беседа — он показался мне необыкновенно одаренным, — надеюсь познакомиться с ним поближе». Мне бы хотелось, сударыня, чтобы вы написали именно так.

— Но что делать, если я вовсе не веду дневника?

— Тогда, быть может, вы и не сидите в этой комнате, а я не сижу подле вас. Эти два предположения кажутся мне столь же обоснованными. Не ведете дневника! Но как же без него представят себе вашу жизнь в Бате отсутствующие здесь кузины? Как вам удастся рассказать должным образом обо всех услышанных вами любезностях и комплиментах, если вы не будете по вечерам записывать их в дневник? Как сможете вы запомнить со всеми подробностями ваши разнообразные туалеты, ваше самочувствие, ваши прически? Сударыня, я не настолько несведущ в образе жизни молодых леди, как вам хотелось бы думать. Только благодаря похвальной привычке вести дневник дамы способны так превосходно писать и славятся своим стилем. Общеизвестно, что написание писем — талант главным образом женский. Конечно, определенное значение имеют и природные склонности, но я убежден, немало способствует ведение дневников.

— Я иногда задумывалась, — с сомнением сказала Кэтрин, — верно ли, что женщины пишут письма лучше мужчин. Говоря по правде, я не уверена, что здесь превосходство всегда принадлежит моему полу.

— Насколько я способен судить, женщины пишут письма, как правило, безукоризненно... Если только не принимать во внимание трех мелких недостатков.

— Каких же именно?

— Бессодержательности, полного невнимания к пунктуации и частых грамматических ошибок.

— Ах, вот как? Вашу похвалу, оказывается, вовсе не нужно оспаривать. В этом вопросе вы придерживаетесь о нас не слишком высокого мнения.

— Отныне я не буду считать неопровержимым, что женские письма лучше мужских, так же как и то, что женщины лучше поют в дуэтах или лучше рисуют пейзажи. В любом деле, определяемом вкусом, превосходство делится между обоими полами равномерно.

Их разговор был прерван вмешательством миссис Аллен:

— Кэтрин, дорогая, пожалуйста, вытащите булавку из моего рукава. Боюсь, она уже прорвала дыру. Я бы немало огорчилась — это мое любимое платье, хотя ткань для него стоила всего девять шиллингов за ярд.

— Именно так я и подумал, сударыня, — сказал Тилни, пристально рассматривая ткань.

— Вы, сэр, разбираетесь в муслине?

— Превосходно. Я всегда сам покупаю себе шарфы и считаюсь в этом деле знатоком. Моя сестра часто поручает мне выбрать ей платье. Как-то раз я ей купил одно, и все видевшие его дамы единодушно признали, что я совершил прекрасную покупку. Я заплатил всего пять шиллингов за ярд, а это был настоящий индийский муслин.

Миссис Аллен была восхищена его способностями.

— Обычно мужчины столь плохо разбираются в подобных вещах! Я никогда не научу мистера Аллена отличать одно мое платье от другого. Ваша сестра, сэр, должно быть, очень вами дорожит.

— Надеюсь, что так, сударыня.

— А скажите, сэр, что вы думаете о платье мисс Морланд?

— Оно очень красиво, сударыня, — сказал Тилни, серьезно его рассматривая. — Но, мне кажется, стирка на него плохо подействует. Боюсь, оно сильно сядет.

— Как вы можете, — со смехом сказала Кэтрин, — так... — Она чуть было не произнесла: «притворяться».

— Вполне с вами согласна, сэр, — ответила миссис Аллен. — Я говорила ей то же самое, когда она его покупала.

— Вы знаете, сударыня, муслин всегда может на что-нибудь пригодиться. Мисс Морланд сможет сделать себе из него платки, чепчик или накидку. Он никогда даром не пропадает. Моя сестра говорила мне это не раз, покупая ткани больше, чем требовалось, или неудачно разрезая ее на куски.

— Бат, сэр, — очаровательное место! Здесь столько прекрасных магазинов. К сожалению, мы живем в самой глуши. Конечно, у нас есть неплохие магазины и в Солсбери, но туда так тяжело добираться. Восемь миль — это не шутка. Мистер Аллен утверждает, что это, вероятно, измерено неверно. Но я убеждена, там не более восьми. И

все же это страшно утомительно — я оттуда возвращаюсь без сил. А здесь — выйдешь из двери, и через пять минут все, что вам нужно, в ваших руках.

Мистер Тилни был достаточно любезен, чтобы выразить интерес к ее словам. И она обсуждала с ним муслин вплоть до возобновления танцев. Слушая их разговор, Кэтрин подумала, что ее кавалер, пожалуй, чересчур снисходителен к слабостям ближних.

— О чем это вы так серьезно задумались? — спросил Тилни по пути в танцевальный зал. — Надеюсь, мысли у вас не заняты вашим партнером, — судя по выражению лица, они вас не радуют.

Кэтрин покраснела.

— Я вообще ни о чем не думала.

— С вашей стороны это очень любезно. Но вы вполне могли бы сказать, что просто не хотите ответить на мой вопрос.

— Что ж, вы правы, не хочу!

— Благодарю вас. Мы скоро хорошо друг друга узнаем — я получаю право вас дразнить. Ничто так не способствует близкому знакомству.

Они протанцевали еще один танец и, когда вечер кончился, расстались с желанием — по крайней мере, со стороны леди — встретиться снова.

Произвел ли молодой человек на нее столь сильное впечатление, чтобы она думала о нем, когда пила теплое вино с водой и готовилась ко сну, — трудно сказать. Ибо, согласно мнению выдающихся умов, молодой леди не подобает влюбляться в джентльмена до объяснения в любви с его стороны, а также ей не следует и думать о нем прежде, чем станет известно, что он думает о ней.

Мистеру Аллену не было дела до того, будет мистер Тилни думать о Кэтрин и собирается ли он в нее влюбиться. Но у него не было возражений против нового знакомства юной леди, предоставленной на его попечение. Еще в самом начале вечера он не поленился навести справки и получил о молодом человеке вполне благоприятные сведения. Утверждалось, что мистер Тилни избрал духовную карьеру и принадлежит к весьма уважаемому семейству Глостершира.

Глава 4

На следующий день Кэтрин поспешила в галерею-бювет с особенным нетерпением, надеясь еще утром увидеть там мистера Тилни и готовясь встретить его приветливой улыбкой. Увы, улыбаться ей не пришлось — мистер Тилни не появился. В разное время дня, в те часы, когда в галерее собиралось больше всего народа, там можно было заметить кого угодно, кроме него. Множество людей то и дело поднималось и спускалось по ступенькам, входило и выходило. Людей, до которых никому не было дела и которых никто не желал видеть. Отсутствовал только он.

— Какое прелестное место Бат, — заметила миссис Аллен, когда они уселись возле огромных часов после утомительного фланирования по залу. — Как было бы приятно, если бы мы здесь встретили кого-нибудь из знакомых!

Это пожелание она высказывала все достаточно часто и потому не могла особенно надеяться, что на сей раз судьба откликнется на него более благоприятно. Но, как сказано: «Надежды не теряй и следуй к цели смело», ибо «Упорный труд венчается победой». И упорному труду ежедневных повторений одного и того же пожелания суждено было в конце концов увенчаться справедливой наградой — они не просидели и десяти минут, как находившаяся неподалеку и внимательно всматривавшаяся в миссис Аллен дама примерно ее возраста вдруг самым любезным образом обратилась к ней со следующими словами:

— Мне думается, сударыня, я не ошибаюсь. С тех пор как я имела удовольствие вас видеть, прошло достаточно времени, но, не правда ли, ваша фамилия Аллен?

Когда на этот вопрос с готовностью ответили, дама сообщила, что ее фамилия Торп.

И миссис Аллен тотчас же узнала черты своей любимой школьной подруги, с которой, после того как они обе вышли замуж, виделась всего один раз, да и то много лет назад. Радость обеих дам по поводу этой встречи была, как и следовало ожидать, необыкновенной,

особенно принимая во внимание, что последние пятнадцать лет их вполне устраивало полное отсутствие сведений друг о друге. Были произнесены комплименты по поводу того, что каждая из них удивительно хорошо выглядит. Неоднократно упомянув о том, как много времени утекло с их последней встречи, насколько неожиданно для них это свидание в Бате и как приятно найти старых друзей, дамы стали расспрашивать и рассказывать о своих семьях, сестрах и кухнях, говоря одновременно, почти не слушая друг друга и делясь сведениями с гораздо большей охотой, чем их приобретая. В этой беседе миссис Торп располагала перед миссис Аллен неоспоримым преимуществом — она могла рассказывать о своих детях. Рассуждая о талантах сыновей и красоте дочерей, сообщая об их занятиях и видах на будущее — что Джон учится в Оксфорде, Эдвард служит в портновской фирме, а Уильям плавает в море и что всех троих знакомые ценят и уважают больше, чем кого-либо в целом мире, — она заставляла миссис Аллен, лишенную подобных радостей, как и возможностей делиться ими с недоверчивой и равнодушной приятельницей, сидеть молча, делая вид, как будто она к этим материнским излияниям прислушивается, и утешаясь открывшимся ее пронизательному взору наблюдением, что кружево на ротонде миссис Торп, по крайней мере, вдвое дешевле того, которое носит она сама.

— А вот мои дорогие девочки! — воскликнула миссис Торп, указывая на трех прелестных особ женского пола, которые шли в ее сторону, держась за руки. — Дорогая миссис Аллен, я мечтаю их представить. Они будут счастливы с вами познакомиться. Самая высокая — Изабель, моя старшая. Не правда ли, очаровательное создание? Других тоже находят хорошенькими, но Изабель, по-моему, превзошла всех.

Девушки Торп были представлены. И мисс Морланд, о которой на некоторое время забыли, была, в свою очередь, представлена дамам Торп. Ее фамилия поразила всех. И после нескольких любезных замечаний старшая из сестер громко сказала младшим:

— Как похожа мисс Морланд на своего брата!

— Она его вылитый портрет! — воскликнула мать, после чего каждая повторила по нескольку раз:

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте,
будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ